

Вопросы истории. 1973, № 3

Веб-публикация: [Vive Liberta](#)

Ната Павловна Ефремова

ПУБЛИЦИСТ КОММУНЫ

Гюстав Марото... Это имя — не самое известное в истории Парижской коммуны. Его нет в списке руководителей французских секций Интернационала или среди членов Центрального Комитета Национальной гвардии. Оно не значится в составе правительства Коммуны. И все же Гюстав Марото — больше, чем рядовой боец революции. Недаром современники напечатали его портрет на плакате рядом с делегатом Коммуны П. Груссе, рядом с ведущими публицистами Коммуны Ж. Валлесом и Э. Вермершем. Развернем дошедшие до нас газеты Коммуны. Здесь на скромных и величественных своей простотой страницах мы встретим имя Марото. Взгляд остановится на этом имени не раз и не два. Едва ли не ежедневно в самое напряженное для Коммуны время Марото брался за перо, чтобы сражаться с врагами парижского пролетариата и утверждать его право строить жизнь по-новому.

Он стал журналистом еще до Коммуны. В пору юности ему, не имевшему никаких планов относительно своего будущего, повезло встретиться с Ж. Валлесом. Тогда в императорской Франции делами буржуазной парижской печати управляли Вильмессаны и Жирардены. Они утверждали, что только деньгами можно обеспечить личную свободу и независимость. В противовес продажной буржуазной прессе в 1867 г. Валлес основал свое периодическое издание — еженедельник «La Rue» («Улица»). Она говорила языком народа и посвящалась его заботам. Марото был покорен «Улицей».

До тех пор он увлекался поэзией, писал лирические стихотворения и мечтал издать свой поэтический сборник¹. «Улица» открыла ему, какой захватывающей, страстной и сильной может быть публицистика. Битых два часа ходил он вокруг здания, не решаясь войти в редакцию. Наконец мать, зная о стеснительности сына, буквально толкнула его в дверь. Перед Валлесом предстал болезненного вида юноша с девичьей внешностью, бледный, точно гипсовая статуэтка. Но когда Валлес познакомился с ним, он увидел в нем человека мыслящего, решительного и способного твердо идти по избранному пути².

«Улица» просуществовала менее года. Правительство запретило ее издание. Однако Марото не устранился от борьбы. Последовал арест за участие в революционном движении. Затем он вынужден был эмигрировать в Бельгию. Вернуться на родину ему удалось только после 4 сентября 1870 г., когда была провозглашена Третья республика. Как стать полезным республике? Марото ответил на этот вопрос, посвятив себя редакторской деятельности. Он начал издавать газету, которую в подражание «Улице» Валлеса назвал «Le Faubourg» («Пригород»). Марото не вдруг осознал, что республика была буржуазной. Это значило, что от его газеты ждали умеренности и послушания. Бурлящий, революционно

¹ P. Dello n. Les membres de la Commune du Comité central. P. 1871, p. 381.

² Ж. Валлес. Инсургент. М. 1960, стр. 54.

настроенный «Пригород» не устраивал буржуа, претендовавших на роль защитников всеобщей свободы. 11 марта 1871 г. в числе других неугодных газет правительство закрыло и издание Марото.

Но ровно через неделю в Париже грянула пролетарская революция. Десятки публицистов, в том числе Марото, записались в ряды защитников Коммуны. 26 марта, в день всенародных выборов в руководящие органы Коммуны, вышел очередной номер газеты «Пригород». Оставшиеся в Париже реакционеры пытались дезорганизовать работу учреждений и служб Коммуны, помешать революционной пропаганде и агитации. «Вышел только один номер «Пригорода», так как издатель счел ее слишком яростной и отказался печатать», — писал осведомленный современник. Еще не окрепшая Коммуна не смогла помочь своему публицисту. В таком положении оказался не один Марото³. Однако пригодились его прежний опыт и энергия, стимулированные революцией. Всего несколько дней понадобилось Марото, чтобы договориться относительно новой полиграфической базы, обеспечить ее бумагой, найти наборщиков и печатников, наскрести гроши на издания первых номеров.

2 апреля появилась его новая газета, издававшаяся им вместе с группой единомышленников, — «La Montagne» («Гора»), большого формата, набранная крупным шрифтом, с броским заголовком. Всем своим видом она подчеркивала уверенность издателя в том, что теперь дело поставлено на прочную основу и ничто больше не помешает осуществлению его замыслов. Между тем 2 апреля было для Коммуны днем, полным тревог. Войска реакции, бежавшие 18 марта, теперь атаковали Париж. Клич улличных продавцов «Покупайте новую газету Марото!» заглушался орудейными залпами. Поначалу Гюстав, как и многие другие парижане, решил даже, что войска немецких оккупантов, расположившиеся у стен Парижа, отмечают какой-то праздник. Нет, это реакция атаковала свободный Париж. Еще накануне почти никто не хотел верить в возможность подобного вероломства. Перо Марото сначала было настроено на мирный лад. В первом номере газеты он писал о том, что на стороне Парижа — право и сила; что на сторону Парижа перешли наиболее прозорливые депутаты правительства, заседающего в Версале. Газета сообщала

также о поддержке дела Коммуны мировым пролетариатом. Марото требовал в газете широкой программы мирных преобразований. В подзаголовке его издания значилось: «Газета социальной революции». Заголовки ее статей и рубрики свидетельствовали о широте интересов редактора: «Социальная трибуна», «Нужно ли правительство», «Бумажные деньги», «Декреты»...

И вот буквально со второго номера выдвигается на первый план военная тематика. Перестройка тем более резкая, что речь шла об отношении к гражданской войне. «Да, началась гражданская война. Именно так. Еще вчера я в этом сомневался», — признавался сам себе Марото⁴. Но нет места унынию и пессимизму! Коммуна должна покарать версальских бандитов, и с полос его газеты не сходит фигура национального гвардейца, бьющего сигнал тревоги. Марото был уверен, что Коммуна не послушает обывательских разговоров о «бессмысленных» жертвах войны (на эти разговоры так легко поддается мелкая буржуазия); что Коммуна не обратит внимания на крокодиловы слезы реакции. Между тем в кругу давних друзей-журналистов шли жаркие споры о праве Парижа вести гражданскую войну. Эти споры — отражение полемики, возникшей в революционном правительстве. «Революция не может обойтись без гражданской войны. Нужно только, чтобы ее вели настоящие революционеры», — решительно заявила газета Марото⁵.

Но пока коммунары, по выражению К. Маркса, «безрассудно не хотели начинать гражданской войны»⁶, время, драгоценное для их победы, было безвозвратно потеряно. 3 апреля запоздалое наступление коммунаров на Версаль не увенчалось успехом. Марото тяжело переживал гибель боевых товарищей. Вместе с членами правительства Коммуны он присутствовал на похоронах героических защитников Коммуны. «Перо дрожит в моей руке, мысль ускользает, и трудно подобрать нужные слова. Я могу показаться слишком жестоким, но надо покарать убийц, надо, чтобы убийство прекратилось!» — писал он, когда стало известно о новых жертвах версальского обстрела⁶. Как раз в те дни Париж потрясла гибель рабочего Дюваля и ученого Флуранса, для которых главным делом жизни ста-

³ «La Montagne», 3.IV.1871.

⁴ «La Montagne», 10.IV.1871.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 33, стр. 169.

⁶ «La Montagne», 10.IV.1871.

ла борьба за свободу народа. Марото призывал парижан, превозмогая горечь утраты, занять место павших: «В этот час все, кто поддерживал Коммуну ради удовлетворения собственного самолюбия, уже сняли красные шарфы... Пусть же сильнее бьют барабаны! Вставайте за генералами Коммуны!»⁷.

Газета Марото с гордостью рассказывала о героях Коммуны. Из номера в номер хронику военных действий украшало имя генерала Я. Домбровского. Каждый день он восхищал парижан мужеством и смелостью, был прост с бойцами и горячо любим ими. На стол редактора ложилось многочисленное свидетельство героизма парижан. Разве можно было не послать тотчас же в номер рассказ о том, как уходили в бой рядовые коммунары? Как в стремлении отстоять Париж проявлялось единодушие целых семей? Газета писала, как однажды сигнал тревоги застал семью национально-гвардейца в разгар торжества. Но, едва послышался этот сигнал, отец семейства, чей день рождения отмечали в тот момент, поцеловал маленького сына, обнял жену и ушел со словами «Да здравствует Республика!». За ним поднялись все, кто был у него в гостях⁸. Разве можно было не отметить, как сражались коммунары в самых горячих точках — в Нейи, Аньере, Ванве... В форте Ванв, свидетельствовала газета, врача, приехавшего оказать помощь бойцам, попросили осмотреть руки пожилого артиллериста, который 30 часов подряд не отходил от орудия. Раскаленная бронза прожгла ему кожу ладоней. Врач настанвал, чтобы артиллерист немедленно был отправлен в госпиталь. Но, услышав об этом, артиллерист зарыдал, повторяя: «Как же я уйду от своей пушки?». Он так и не оставил свой пост⁹.

Из таких информации складывалось лицо издания. Марото последовательно формировал свою газету как боевое оружие Коммуны. Каждый номер «Горы» открывался рубрикой «В последний час», где сообщалось о военном положении Парижа. На передовой линии постоянно находилось до 10 корреспондентов газеты. Редакция оповещала: «Мы будем публиковать информации по мере их поступления». В наиболее напряженные дни сражений Марото организовывал по три выпуска с оперативными сообщениями. Оперативность информации и

точность: эти цели Марото поставил перед своей газетой, считая, что иначе она не будет соответствовать интересам революционного читателя. «Основывая газету», говорил он, — я решил следовать правду Руссо и Марата: «Умереть, но говорить только правду!»¹⁰. Его газета оставалась одной из наиболее достоверных. Она «взяла на себя задачу публикации самых точных фактических данных», — писала «красная дева» Монмартра, героиня Коммуны Л. Мишель¹¹. Газета не скрывала тревоги и обеспокоенности положением Коммуны. Вечер 11 апреля... Возвращаясь из редакции, Марото увидел опустевшие кафе и закрытые магазины. Версальцы подошли уже близко. Парижане толпились у ворот Монруж, ожидая прибытия гонца. Едва завидев всадника, все бросились ему навстречу, а он, гордый и взволнованный, кричал: «Расходитесь по домам!.. Версальцев отогнали!». Репортаж об этом тревожном вечере Марото поместил в ближайшем номере¹².

Но он понимал, что не одними боями жила Париж. Шла великая созидательная деятельность. Коммуна возобновила работу мастерских, брала под свою опеку музеи, библиотеки, театры, Академию наук. Горячо одобряя творчество Коммуны, Марото в передовых статьях разъяснял значение ее декретов. Он мечтал о том времени, когда рабочий Париж сможет вернуться к мирному труду, и призывал Коммуну, не откладывая, тщательно продумать организацию производства. Марото ратовал за скорейшее введение обязательного бесплатного образования, радовался созданию детских домов и приютов, введению социального обеспечения. В простых тружениках он видел людей, способных к строительству новой жизни. «Обращайтесь в мастерские, в конторы — к тем, кто носит рабочую блузу... Лучше других они сумеют поддержать Революцию!»¹³ — писал он, указывая на достойных кандидатов в члены Коммуны. Газета Марото воспитывала у трудящихся Парижа уверенность в своих силах.

А между тем по городу распространялась враждебная пропаганда: буржуазия клеветала на деятелей революции, пыталась заронить сомнения относительно правильности цели, избранной народом. Вот почему Марото считал, что защита Коммуны от на-

¹⁰ «La Montagne», 4.IV.1871.
¹¹ Л. Мишель. Коммуна. Л. 1923, стр. 252.

¹² «La Montagne», 13.IV.1871.

¹³ «La Montagne», 16.IV.1871.

падок должна стать одним из важнейших направлений его газеты. Была введена постоянная рубрика «Ложь Тьера». Разоблачению вражеской клеветы редактор посвятил несколько статей, написанных ярко, убедительно и образно. На улицах Парижа враги расклеивали листовки, призывая коммунаров сложить оружие. Буржуазные газетчики начали писать о том, будто Версаль жаждет примирения. Узнав об этих маневрах реакции, Марото был в ярости. Примириться! Это значит вернуть нищету и войну, предать дело революции. Можно ли верить хотя бы одному слову Тьера о мире, когда он не останавливается ни перед какими преступлениями, когда его генералы истязают пленных, когда по его приказу бомбардируют Париж, не задумываясь о судьбе женщин и детей? Зря буржуазные деятели и франкмасоны Парижа посылают к Тьеру свои делегации, увещевая версальское правительство признать Коммуну. «Напрасный труд и опасная затея! Они не разоружатся до тех пор, пока не задушат революцию». «Знамя парламентаров продырявлено пулями...», кровь льется. Виновен Тьер. Он отставляет интересы своего класса... Он надеется вернуть утраченные привилегии. Огонь, товарищи! И цельтесь вернее!.. Труд должен одержать победу над капиталом»¹⁴.

Не раз Марото выступал против пособников Версаля, замаскировавшихся в Париже. То были доносчики, оставшиеся от прежней имперской полиции, шпионы и диверсанты. Но Версаль имел еще одного сильного сторонника, соединявшего в себе все эти гнусные полномочия, — церковь. Коммуна издала декрет об отделении церкви от государства и тем самым нанесла удар по орудию духовного порабощения народа. Однако церковь продолжала оставаться очагом контрреволюции. Газета Марото сигнализировала о подрывной деятельности церковников и требовала репрессий. Пожалуй, именно в этой газете, не считая непримиримого к духовенству «Le Père Duchêne» («Отца Душена»), наиболее настойчиво и требовательно звучало пожелание вести более широким фронтом наступление на церковь. Не удивительно, что на эту газету как на одну из ярких представительниц революционной прессы указывал своему правительству царский посол граф Окунев. Особое внимание он обратил на статью Марото «Монсеньор архиепископ Парижа». «Мы более не верим в бога, — пи-

сал Марото, — революция 71 года атеистична. Святые отцы! Наши дочери не будут более с бормотаньем преклонять колени в темноте ваших исповедальни. Вы не будете более сечь наших ребятишек... Берегитесь народного гнева! Если народ начнет вдруг рыться в ваших делах, начнет подсчитывать ваши преступления, вспомнит об обещанных вами или сведенных с ума девицках, о детях, которых вы заморили или сделали идиотами, — он не оставит камня на камне от ваших церквей, он разорвет в клочья ваши ожиревшие тела»¹⁵. Статья произвела глубокое впечатление на современников. А врагам Коммуны выступление Марото крепко врезалось в память. Когда победившая контрреволюция начала судебный процесс против коммунаров, именно эта статья стояла редактору «Горы» смертного приговора, замененного впоследствии каторжными работами.

До последних дней Коммуны Марото оставался на редакторском посту. В мае его газета сменила название и стала известна как «Le Salut public» («Общественное спасение» — речь шла о спасении Коммуны). 21 мая через незащищенные ворота Сен-Клу версальские войска проникли в Париж. Последним воззванием Марото был призыв к всеобщему подьему, занимавший всю первую полосу газеты: «К оружию! К оружию! Да здравствует Республика! Да здравствует Коммуна!»¹⁶...

Остров Ну, где находился в ссылке Марото, был самым мрачным из островов Новой Каледонии. Кроме Марото, туда были сосланы журналисты Эмбер, Бриссак, Люспия, Юрбен, Амуру. Они находились вместе с уголовными преступниками. Марото был болен туберкулезом, и его последние дни прошли в больнице. «Когда подходил конец, — писала Л. Мишель, — и 16 марта началась агония, он вдруг поднялся и, обращаясь к доктору, спросил: «Не может ли наука продлить мою жизнь до дня моего рождения, до 18 марта?» — «Вы будете жить, — сказал доктор, сдерживая слезы»¹⁷. Гюстав Марото умер 18 марта 1875 года. Ему было 27 лет. Так погиб один из самых замечательных журналистов Коммуны. Его публицистика — родное дитя своей эпохи. Она была не свободна от ошибок, типичных для революции 1871 года. В частности, Ма-

¹⁵ «Царская дипломатия и Парижская коммуна», М., Л., 1923, стр. 112.

¹⁶ «Le Salut public», 23.V.1871. Рукопись Марото хранится в ЦПА ИМЛ, ф. 330, ед. № 218.

¹⁷ Л. Мишель. Указ. соч., стр. 184.

⁷ «La Montagne», 9.IV.1871.

⁸ «La Montagne», 3.IV.1871.

⁹ «La Montagne», 10.IV.1871.

¹⁴ «La Montagne», 6, 13.IV.1871.

ро не был силен в социально-экономических вопросах, и они почти не обсуждались на страницах его газет; не касался он и взаимоотношений рабочего класса с крестьянством. Вместе с тем все то, что Марото вписал в историю революционной пуб-

лицистики, вызывает к нему глубокое уважение. Пламенное слово Гюстава Марото еще и сегодня способно вдохновлять борцов рабочего класса.

**Все материалы о Парижской коммуне 1871 года:
мемуары, свидетельства, документы, исследования,
публицистика, поэзия, аудио- и видеоматериалы
<http://istmat.info/node/28030>**